

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

М. В. Уманская

НАЦИОНАЛЬНО- ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ КАТЕГОРИИ «ОБРАЗОВАНИЕ»

В статье рассматриваются подходы к определению сущности и смыслов образования как педагогической категории с учетом ментальности русского народа и в соответствии с динамикой культурно-исторических процессов в России.

Ключевые слова: образование, ментальность, религия, духовность, история.

M. V. Umanskaya

NATIONAL-HISTORICAL COMTEXT OF THE CONCEPT "EDUCATION"

The article analyses different approaches to determining the essence and meanings of the concept "education" with regard to the mentality of the Russian people and in accordance with the dynamics of cultural and historical processes in Russia.

Key words: education, mentality, religion, spirituality, history.

Обращаясь к изучению тех или иных педагогических явлений, ученые, как правило, применяют адекватные объекту исследования теоретические подходы, что позволяет раскрывать изучаемый объект во всей его целостности и полноте. При этом ряд категорий, используемых гуманитарными

науками, обладает способностью объединять в себе многообразие значений и смыслов. Именно такой категорией является философское понятие «ментальность», под которой чаще всего понимают образ мышления, общую духовную настроенность человека или группы людей. Данная категория

зачастую ассоциируется с проблемой национального своеобразия, особенностями национальной культуры. В свою очередь, педагогическая теория трактует образование как «фундаментальную категорию и абсолютную ценность всех времен и народов» [3. С. 22], что, безусловно, подразумевает учет ментальных характеристик народа при решении образовательных проблем: «Менталитет народа — это глубинные структуры его сознания, в основе своей постоянные, стабильные, объединяющие разные исторические эпохи» [1].

Своеобразие русского национального характера детерминировано рядом причин: «Принятие православного христианства от Византии; татаро-монгольское иго, следы которого глубоко врезались в память русского народа; расположение России между цивилизациями Запада и Востока, что стало глубинной основой ее двойственности ... стоя одной ногой в Европе, а другой в Азии, Россия вобрала в себя черты и западной и восточной цивилизации» [1].

Н. О. Лосский в своем труде «Характер русского народа» среди свойств, присущих русскому народу, выделяет главнейшую пару противоположностей: религиозность, в то же время — воинствующий атеизм, что объясняет способность русских к противоречивым переходам от богобоязненности к отрицанию Бога. Обратившись к анализу педагогической категории «образование» с учетом типологии культур П. Сорокина, мы видим, как ментальность русского народа влияла на смыслы дан-

ной категории именно в духе борьбы «религиозных противоположностей» в зависимости от того или иного исторического этапа (хронология А. П. Булкина) [4].

Хронологические рамки первого периода обозначены следующим образом: от Крещения Руси до реформ Петра Великого. Согласно концепции Питирима Сорокина, перед нами идеациональный тип культуры, признающий «сверхчувственность и сверхразумность Бога, как единственной реальности и ценности» [цит. по: 4. С. 26]. Именно в этом периоде «оформилась и закрепились религиозная основа национального самосознания» [9. С. 19], были восприняты и постигнуты смыслы существования народа, его идеалы во всех формах жизни: личной, семейной, общественной и государственной. Бог как единственная реальность и ценность является источником, основой и целью образования в данном историческом периоде: «Господствующие нравы и обычаи, образ жизни, мышления подчеркивали свое единство с Богом как единственную и высшую цель, а также свое отрицательное или безразличное отношение к чувственному миру, его богатствам, радостям и ценностям» [16. С. 430].

Духовный принцип бытия, провозгласивший взаимоотношения с Богом главной ценностью, отразился в педагогических воззрениях данного этапа русской культуры. Очевидно, что самого термина «образование» в период религиозного типа культуры еще не существовало. Ученые подчеркивают, что контекст эпохи и языка

позволяет отождествлять с понятием «образование» термины «книжное учение», «книжное знание», «книжная мудрость». Этимологический анализ слова «образование» подтверждает, что в рассматриваемом историческом периоде слово «образование» следует соотносить с *нездоровым* словом «ображати», что значит — разуметь [17. С. 538].

Таким образом, эквивалентом понятия «образование» в данном периоде можно считать термин «книжное разумение» как отражение процесса христианского просвещения, «которое в течение всего древнего периода совершалось под ближайшим руководством Церкви» [11. С. 321]. Поэтому основными носителями образованности в этом периоде были, в первую очередь, служители Церкви. Важно отметить, что образовательным идеалом для них служило византийское духовенство, которое «принесло с собою культурные традиции Византии, в то время одного из самых просвещенных государств Европы. Христианская культура Византии впитала в себя все богатство античных и древневосточных цивилизаций, которое и было передано молодому русскому православному государству» [2. С. 10].

Как видим, содержание образования формировалось под влиянием двух факторов, с одной стороны, когда св. Владимир «вводил на Руси христианство, то вместе с переменою веры более всего заботился о превращении своего народа в просвещенную, культурную и блестящую нацию по подобию Византии», и поэтому «ему было нужно, чтобы греки ... открыли

нам, так сказать, “профессиональную тайну” своей образованности» [10. С. 202], а с другой — «одним из главных условий принятия христианства русский князь поставил политическую независимость Руси от Византии», поэтому «государственная самостоятельность Киевской Руси предопределила и собственный путь развития просвещения» [2. С. 10].

Живым, святым воплощением идеала образованного русского человека, который «энергически, ради спасения души» заботился «об удовлетворении первых духовных потребностей русского народа» [11. С. 321] стал сам св. князь Владимир, о чем говорит нам Нестор-летописец в своей «Повести временных лет»: «Владимир же был рад, что познал Бога сам и люди его ... Посылал он собирать у лучших людей детей своих и отдавать их в обучение книжное» [13. С. 53], притом, что сам святой князь не был грамотным, но был разумным, просвещенным светом познания истинного Бога-Троицы, а потому — образованным.

Книги становятся ценностью и в духовном, и в материальном смысле. Дело просвещения продолжил на Руси Ярослав Мудрый: «Отец ведь его Владимир землю вспахал и размягчил, то есть крещением просветил. Этот же засеял книжными словами сердца верующих людей, а мы пожинаем, учение получая книжное» [13. С. 69]. Подлинный гимн духовной мудрости звучит в летописи Нестора: «Велика ведь бывает польза от учения книжного; книги наставляют и научают нас пути покаяния, ибо мудрость обретаем и воз-

держание в словах книжных. Это — реки, напояющие вселенную...» [13. С. 68].

Утверждение на Руси подлинной христианской духовности как идеала образованности прослеживается и в таком памятнике древнерусской письменности, как «Поучение» Владимира Мономаха. Образование декларируется как ценность, в доказательство этой мысли автор приводит в пример своего отца, который знал пять языков и имел высшую мудрость — любовь к Церкви. Цель образования лежит за пределами жизни земной: «Прежде всего, Бога ради и души своей, страх имейте Божий в сердце своем и милостыню подавайте неоскудно, это ведь начало всякого добра» [14. С. 70]. Основание мудрости — страх Божий, результат — добродетели («покаяние, слезы, милостыня»).

Итак, образование представляло собой «синтез религиозных знаний, христианской нравственности и умственного воспитания» [7. С. 23], целью которого было спасение души. Образованность носила духовный характер, духовность была тем фундаментом, на котором стоило все здание индивидуальной культуры человека, т. к. «науки, в смысле точного исследования законов природы и человеческой жизни, не было; напротив того: древнерусская школа старалась оторвать питомца от всего земного и тленного и приуготовить его для небесного и вечного» [11. С. 321].

Как видим, мудрость выступала средством в деле спасения души, поэтому овладение нравственной

культурой, получение образования не считалось самоцелью, а выступало в качестве подспорья для достижения вечных, вневременных целей воспитания. Приобретая познание истинного Бога, нераздельность веры и знания, древнерусский человек приобретал «православное мышление», в котором «ум, чувства и воля были неразрывны». Исследователи подчеркивают удивительную веру древнерусских педагогов в «неограниченную “перевоспитуемость” людей, в возможность пересоздать их изнутри» [19. С. 147], что проистекало из догматических основ православия, из данной человеку как образу Божию возможности бесконечного богоуподобления.

В соответствии с двухуровневой структурой религиозного воспитания, представленной в работах Т. В. Склярской (рациональная и мистическая (духовная) составляющие) [15. С. 8—10], можно говорить о том, что содержание индивидуальной культуры образованного человека Древней Руси было представлено тремя компонентами на рациональном уровне:

— *информационный* (тот объем знаний, который человек получает, изучая Священное Писание, богослужебные тексты, жития святых и пр. христианские источники, доступные человеку того времени);

— *нравственный* (научение христианской добродетели, приобретение христианского нрава, включающего в себя умения вычленивать в собственном житейском опыте проявления духовного мира, а также умения бороться с дурными наклонностями [страстями — по святоотеческой терминологии]);

— *деятельностный* (дела милосердия с подлинной мотивацией «Христа ради»).

Духовным основанием всего вышеперечисленного являлся реальный опыт богообщения на мистическом уровне, который включал в себя подготовку и участие в таинствах Церкви, навык молитвенного делания, чувство благоговения перед святынями. Таким образом, вне Христа, вне просвещения Христовым светом не могло быть подлинной образованности в идеациональном типе культуры.

Второй период охватывает этап культуры идеалистического типа, его хронологические рамки достаточно широки: от Петра Первого до Октябрьской революции, поэтому здесь выделяют подпериоды. Первый из них — это период культуры собственно идеалистического типа (весь XVIII в.) и период культуры чувственного типа (весь XIX век и почти два десятилетия XX века). Рассмотрим подробно особенности понимания духовности в каждом из указанных типов и определим их связь с образованием как педагогической категорией.

Культура идеалистического типа, по мысли П. Сорокина, является переходной, религиозно-светской. В ее основании лежит и сенсорный (чувственный) принцип познания объективной действительности, и в то же самое время сверхчувственный (потусторонний, сверхъестественный), в результате имеется некое смещение, или же переход. Источник такого смещения — это поворот и переориентация религиозной культуры на ценности госу-

дарства, общества, а впоследствии — и каждой отдельной личности, что происходило под влиянием Запада: «Государство признало, что образование должно служить государственным интересам, готовить просвещенных служилых людей, поэтому оно должно быть практично, профессионально, а для этого сословно», — пишет П. Ф. Каптерев [цит. по: 6. С. 36].

В России этот период формирует не только новый принцип чувственного познания бытия, но и новый тип людей — *пассионариев* (концепция Л. Н. Гумилева), каким были Петр I, М. В. Ломоносов, Екатерина II, А. Н. Радищев, декабристы. Пассионарность (от лат. «страсть») понимается как «потребность и способность изменять окружающую среду», является «поведенческим феноменом» и «имеет энергетическую природу» [3. С. 166]. Именно такие люди способны совершать целенаправленную работу по изменению окружающей среды, но их готовность жертвовать собой и другими людьми превращается в своего рода антиинстинкт, то есть энергия, направленная на созидание чего-либо, в конечном итоге приводит к разрушению.

В данном типе культуры происходит постепенный процесс отступления от ценностей идеационального типа. Поэтому главная характеристика идеалистического типа культуры — это ее постепенное «обмирщение», ориентация на культурные ценности европейских стран, поэтому и образование «стало пониматься как созидание хорошего гражданина, служилого человека, профессионала» [6. С. 36].

Государство провозглашает и новую цель образования — это устроение, в первую очередь, земных дел, а также достижения не вечных, а временных благ. Исследователи подчеркивают, что профессиональное образование было исторически первым в России, Екатерина Великая пыталась создать систему общего образования, но ее начинания обрели законченную форму позднее, в правление Александра I.

В анализируемом типе культуры берет свое начало тенденция к секуляризации образования, к постепенному отрыву от духовных оснований «просвещения книжного» в его «изначально-церковном» смысле как духовном просвещении личности светом Христовым. Историки обозначают даже точную дату начала этого процесса — 1802 год, когда был издан манифест об учреждении Министерства народного просвещения, но учебные заведения данного ведомства — только часть всей образовательной системы России, так как к тому времени образование распалось на светское и духовное. В результате отхода от духовной сущности просвещения, которое стали воспринимать «по аналогии с известным направлением философии» [8. С. 182], категория «образование» стала наполняться новыми смыслами. Источник образованности находится уже не в Премудрости Божией, а в человеческой природе.

Как отмечает А. П. Булкин, впервые слово «образование» было употреблено Н. И. Новиковым: «изучение текстов показывает, что ... до него в русском языке имелось существительное “образ” и глагол “ображать”, но

вместе с тем, как подчеркивает исследователь, употребленное в сочинениях Н. И. Новикова новое слово “не несло педагогической нагрузки и не являлось педагогическим термином”» [4. С. 75]. Важно подчеркнуть, что в данном типе культуры слово «образование» постепенно становится термином, обозначающим процесс и результат становления человека, т. е. той понятийной единицей, которой оперирует сегодня педагогическая наука. Новый контекст, которым стала обрастать педагогическая категория «образование» послужил отражением процессов переориентирования школы «на классический принцип обучения, основной целью которого было всестороннее развитие способностей человека» [4. С. 78]. В результате слово «образование» стало главным для обозначения системы знаний и опыта человека. Словарь В. И. Даля фиксирует отрыв от духовных истоков нового термина следующим образом: «Образовывать, образовать — кого, совершать, улучшать духовно, просвещать; иногда придавать наружный лоск, приличное, светское обращение, что и составляет разницу между просвещать и образовывать. Науки образуют уму и знанию, но не всегда нрав и сердце» [5. С. 613]. Намечается следующая смысловая параллель: «просвещение» заменяется термином «воспитание» (как образование нрава и сердца), а сам термин «образование» отождествляется с процессом и результатом получения знаний — «учением».

Преодолеть подобный раскол в трактовке термина «образование» пы-

тались русские философы-славянофилы (А. С. Хомяков, И. В. Киреевский и др.), которые «определили пути просвещения России на национальной культурной основе, краеугольным камнем которой было православие. Высшей ступенью просвещения они полагали “разум в вере”, их взаимное проникновение, что рождает цельность познания» и требует развития святоотеческой традиции в современной философии образования [2. С. 98].

Духовная основа образования в рассматриваемом типе культуры нашла своих подвижников в лице К. Д. Ушинского (теоретическое обоснование духовности образования), С. А. Рачинского (практическое воплощение) и К. П. Победоносцева (административное обеспечение). Однако, естественный процесс переноса образованности на духовную почву был прерван Октябрьским переворотом 1917 года, и Россия вступила в третий, советский этап своего исторического существования.

Что нового в понимание категории «образование» внесла пролетарская культура? Согласно принципам исследования культур П. Сорокина, страна опять входит в идеациональный тип культуры, но в иной форме, где «место Бога заняла коммунистическая идея» [4. С. 27]. Так начался процесс культивирования антидуховности: «вера в Бога заменяется в самобытность материи и законов природы», но тем не менее — это вера, так как «теоретический атеизм, в сущности, является антирелигией, потому что он тоже утверждается на вере ..., но не в существование Бога, а в то, что Он не существует» [1. С. 41].

Новые идеологические установки повлекли за собой пересмотр и понятийно-категориального аппарата педагогики. Основной целью школы «становится не достижение образованности, а социальное воспитание (социализация) как насильственное “отесывание” ребенка под параметры пролетарского типа личности, подготовка его к выполнению заданной социальной роли» [4. С. 87]. На долгие годы главным предметом педагогики стала категория «воспитание», истолкованная в идеологическом смысле как цель, процесс и результат формирования «коммунистического гражданина», «человека новой страны», «будущего пролетариата». Термин «образование» в данном типе культуры окончательно сводится к научению и передаче набора необходимых знаний, умений, навыков (ЗУНов), из него исключаются смыслы «становления человека», «развития личности».

Наконец, четвертый, текущий этап — переходный, «новый виток спирали». Ученые выделяют в нем две тенденции: во-первых, отказ от ценностей предыдущей эпохи тотальной антикультуры, во-вторых, отступление от национальных культурных ценностей, сформированных в первом культурно-историческом типе (от принятия христианства до петровских реформ), что происходит «под напором западно-европейской и американской массовой контркультуры» [4. С. 28].

Сопоставляя коммунистическую эпоху и современную Россию, исследователи приходят к мысли о «максимальном снижении смысла бытия» в настоящее время, так как «в комму-

низме, предложенном русскому обществу в качестве замены традиционных православных идеалов», хотя и была изгнана духовная составляющая идеала, но сохранялась его «общественная компонента» в виде идеи «созидания нового общества всеобщего братства» [12. С. 95].

Каким образом данные процессы отражаются в педагогической реальности современного нам идеалистического (переходного) типа культуры? Обратимся вновь к анализу понятия «духовность», так как, по мнению Е. П. Белозерцева, оно является «ключевым понятием, методологически необходимым для решения проблемы раскрытия духовного воспитательного потенциала отечественной педагогики» [3. С. 261]. Важно учитывать то, что в современной науке мы встретим различные подходы понимания духовности, которые, так или иначе, наполняют собой категорию «образование». Это и ценностно-смысловой подход, когда духовность подменяется нравственным самосовершенствованием, и гносеологический, где место духа занимает разум, рассудок, интеллект и под «образованностью» понимается идеал как результат самопроектирования. Исторический подход связывает проблему образованности со способностью человека активно участвовать в творческом преобразовании и развитии исторического процесса. Последователи комплексного подхода подменяют духовность гуманизмом. Вершиной образованности считают умение управлять самим собой сторонники деятельностного подхода. Однако, все эти смыслы не соотносятся с религиозной духовностью, трактующей сверхличностные отно-

шения человека с Богом как подлинно духовную реальность, что имело место в идеациональном типе культуры. Таким образом, в современной России категория «образование» понимается, несомненно, шире, чем в тоталитарную эпоху, но подлинно духовным смыслом она по-прежнему не наполнена, что требует отдельного исследования вопроса о духовных основаниях рассматриваемой нами категории.

Возвращаясь к религиозному взгляду на историко-культурный процесс России, в которой ход истории этноса не только целиком определялся и направлялся религиозной духовностью, но и напрямую зависел от нее, можно утверждать, что для «общественного сознания русской этнической целостности на протяжении тысячелетия духовность воспринималась, понималась и переживалась как православное познание мира, православное осмысление взаимоотношений Бога и человека, православное осмысление судеб человечества и человека, как приуготовление к жизни будущего века» [3. С. 262].

Поэтому мы можем сделать вывод о том, что трактовка категории «образование» тесно связана с ментальностью русского народа в целом, и в частности — с такой его чертой как религиозность, по-разному «переживаемой» обществом в каждом конкретном историческом периоде. Таким образом, независимо от типа культуры, религиозность как важнейшая черта ментальности русских оказывала и оказывает значительное влияние на смыслы категории «образование», что нельзя не учитывать при обращении к данной педагогической категории.

Примечания

1. Артемова В. Г., Филиппова Я. В. Ментальность русского народа: традиции и эволюция // [http://www.unn.ru/pages/elibrary/vestnik_soc/99990201_West_soc_2008_2\(10\)/1.pdf](http://www.unn.ru/pages/elibrary/vestnik_soc/99990201_West_soc_2008_2(10)/1.pdf)
2. Беленчук Л. Н. История отечественной педагогики: учебное пособие М. : Изд-во ПСТГУ, 2005. 128 с.
3. Белозерцев Е. П. Образование: историко-культурный феномен. Курс лекций. СПб. : Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. 704 с.
4. Булкин, А. П. Социокультурная динамика образования. Исторический опыт России. Дубна : «Феникс+», 2005. 208 с.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [В 4 т.]. Т. 2 (И — О). М. : Рус. яз., 1989. 779 с.
6. Дивногорцева С. Ю. Становление и развитие православной педагогической культуры в России. М. : Изд-во ПСТГУ, 2010. 260 с.
7. Дивногорцева С. Ю. Теоретическая педагогика: учеб. пособие. М. : Изд-во ПСТГУ, 2004. 195 с.
8. Жуков В. Н. Православие и образование // Реферативный журнал. Серия 3. Философия. 1995. № 2. С. 180—193.
9. Иоанн (Снычев). Одоление смуты: Слово к русскому народу. СПб. : Царское дело, 1995. 347 с.
10. Карташев А. В. История русской церкви. М. : Эксмо, 2004. 911 с.
11. Модзалевский Л. Н. Очерк истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен. СПб. : Алетейя, 2000.
12. Перевезенцев С. В. О смысле бытия и философии образования русского народа // Педагогика. 2001. № 8. С. 93—98.
13. Повесть временных лет // Древнерусская литература. М. : Олимп, 1996. 608 с.
14. «Поучение» Владимира Мономаха // Древнерусская литература. М. : Олимп, 1996. 608 с.
15. Скларова Т. В. Православное воспитание в контексте социализации. М. : Изд-во ПСТГУ, 2006. 149 с.
16. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М. : Политиздат, 1992. 542 с.
17. Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка: [В 3 т.]. Т. 2. Ч. 1 (Л — О). М. : Книга, 1989. 851 с.
18. Твердость веры — основа жизни. Сборник докладов VI Епархиального съезда православных законоучителей. Екатеринбург, 2010. 47 с.
19. Шкабара И. Е. Зарождение основ образовательной парадигмы в период Древней Руси // Генезис педагогических парадигм образования в российской истории (IX—XVII вв.). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2006.